

Уважаемые поклонники детектива! Сегодняшнее заседание нашего клуба посвящено творчеству замечательного писателя, по праву пользующегося мировой славой, знаменитого создателя не менее знаменитого комиссара Мегрэ.

СИМЕНОН

ОПЫТ ЛИТЕРАТУРНОГО КОЛЛАЖА

О ФЕНОМЕНЕ Сименона сказано очень много, а вот сказано толком не больно-то. Но должен же быть какой-то секрет этого явления? Ведь не только простой народ читает его и доволен, одно перечисление имен знаменитостей, выразивших свое восхищение талантом Сименона, кого хочешь собьет с ног.

Но попробуем все же послушать, что кто говорит, то есть пусть звучат голоса критиков, писателей, кинематографистов. Начнем, увы, с конца, то есть с некрологов.

«Мегрэ бесмертен» — так называлась статья Ж.-П. Леонардани в «Юманите» (7 сентября 1989 г.). Сименон умер на рассвете 4 сентября, но «по его завещанию сообщение о его смерти только после похорон». Собственно, похорон не было: «задолго до кончины он распорядился, чтобы его прах развеяли под ливанским кедром, гордостью близлежащего сада, возле его скромной виллы. Таким образом, он должен соединиться с любимой дочерью Мари-Жо, о самоубийстве которой (ей было 27 лет) он узнал 16 февраля 1980 года. Ее прах был развеян под тем же деревом».

Леонардани рассказывает далее о том, что «первым из известных писателей отметил Сименона Андре Жид, назвав его «самым великим, самым настоящим романистом, который когда-либо был в нашей литературе». Но: «Когда писал предвещая рукописи своих первых «Мегрэ» издательство Файру, тот развел руками и сказал: «Сименон, вы сошли с ума, ваши детективы не похожи на детективы... Дурная это затея...». И все же Файр решил... «Дурная затея с Мегрэ» принесла его создателю славу и богатство.

М ЕГРЭ так вошел в жизнь, что «на набережной Орфера» вам теперь покажут кабинет Мегрэ, как в замке Ид покажут узник новшар, который вел Эдмона Дантеса аббат Фариа...»

Но писатель не ограничился своим «Мегрэ». Сименон написал и другие романы: «Три комнаты на Манхэттене», «В случае несчастия», «Письмо к моему судье», «Снег был грязным», «Судья семьи Малу», «Таинственный пассажир», «Исчезновение господина Мора», «Прощальный вальс» — так называлась подборка откликов на смерть Сименона в том же номере «Юманите». Вот они.

Бернар Пиво, ведущий лучшей литературной программы французского телевидения «Апостриф»: «Гений его был в том, что он умел запечатлеть на белом листе бумаги то, что подмечать в жизни. Это не самый великий писатель, но, безусловно, один из великих».

Интересная работа последнего времени о Сименоне — книга Алена Бертрана. В книге, кстати, представлены замечательные и редкие фотографии Сименона, воспроизведены его портреты, написанные Кокто, Буффо и Вламником, афиши. Приведем содержание одной из афиш 1927 года: «ПАРИ-МАТЕН». Кружная ежедневная газета в ближайших выпусках представит вам СЕНСАЦИОННЫЙ ПОДВИГ... Один из лучших романистов молодого поколения установил настоящий РОМАН РЕКОРДА, рекорд скорости, рекорд стойкости и, осмелился это утверждать, — рекорд таланта! Запертый в стеклянную клетку, без всякой связи с внешним миром, под неусыпным наблюдением (днем и ночью) столичной публики, на сюжет и с персонажами, избранными этой же публикой в последний момент, молодой автор, которому нет и 24 и который под разными псевдонимами написал уже более 1000 сказок и 60 романов, совершит этот подвиг со скоростью не менее одного выпуска в час! Его рукопись, по мере написания, без авторской правки и редакторских исправлений, будет опубликована в «Пари-матен», читатели которой смогут убедиться, что эта быстрота — не помеха, редкому воображению, ясности и прекрасному стилю, которыми наделен ЖОРЖ СИМ, с которым... директор «Пари-матен», не колеблясь, заключил контракт на 300 000 франков».

В своей книге Ален Бертран приводит слова замечательного писателя, блестящего стилиста Колетта, обращенные к Сименону: «Будьте осторожны, мой маленький Сим: все это у вас слишком литературно — избегайте литературы». Именно это я и сделал, — писал потом Сименон. — Вся жизнь я стремился упростить стиль. Я предпочитал сделать ошибку, но не оттачивать стиль. Когда я правлю рукопись, я сокращаю, убираю лишнее, наречия, слишком гладкие фразы».

Простота Сименона — это редкое умение стать понятным и близким каждому. Но это умение никогда бы не было реализовано, если бы не его бесконечная любовь к людям. И сострадание к ним.

«В. Б.: Вот многим у нас Мегрэ настолько близок, что кажется соотечественником. Чем вы объясните это? Сименон: ...я себя ощущаю го-

раздо больше русским, чем, скажем, американцем... Ну и к тому же у меня есть русские корни... (Это легенда. По специальному заказу писателя было составлено его генеалогическое древо вплоть до 1460 года... подтверждения легенды о русском происхождении рода Сименонов, увы, не нашлось). — Самое главное, — продолжает Сименон, — это то, что я учился писать у русских классиков, прежде всего у Гоголя. И, конечно, у Достоевского, Чехова... Я всегда ощущал себя учеником русской литературы, и поэтому читаю ли меня американцы, а читают ли русские — волнует. И то, как они меня воспринимают, тоже. Сименон как писатель — это некий коллаж из различных образов: французский мальчик, сначала прочел русских писателей, а уж потом французский. Дело в том, что в семье Сименона был национ, и у них жили русские и польские студенты (слушая их лекции, Сименон полюбил и всю жизнь напевал «Очи черные»). Кстати, возможно, от тех студентов идет еще одно слабое место Сименона: несколько студентов были с медицинско-го факультета, и интерес к тому, как устроен человек, привел Сименона к созданию романа в анатомический театр. Интерес к жизни (а стало быть, и к смерти) Сименон воспитанник католической школы — знает, что смерть входит в состав жизни), был у него на грани болезненности. Но карьера священника, которая грозила Сименону, отпала уже в 12 лет, когда он приобщился к тайнам плоти, и ему стало ясно, что суровая аскеза не для него. Куда уж там! На старости лет, когда Феликс написал «Казанову», Сименон признался, ему, что у него было 10 тысяч женщин. У Сименона, надо сказать, всегда были и крупные шпифы. И общий тираж у него — самый большой на свете: 500 миллионов (по данным ЮНЕСКО 1985 г., он самый читаемый в мире и самый переводимый писатель в течение 25 лет), и женщины — 10 тысяч, и тираж — 300, сказано, написанных им, — 1000, не говоря о романах, — больше 200 лет подвешенным именем, около 300, которые «не в счет», около 30 книг написано о нем, по его мнению снято 55 кинофильмов и более 100 телефильмов.

К 90-летию Жоржа СИМЕНОНА

«Я ощущаю родственную близость с тем, кто посвящает свое время попыткам улучшить жизнь человека».

«Я считаю, что лучшим наследством, которое мы можем оставить молодым, будет отсутствие вражды, вернее — ненависти к войне и любому виду насилия».

«Я полагаю, что каждый человек должен иметь право на все самое необходимое... Иными словами, я на стороне рабочих, требующих обеспечить им такой прожиточный минимум, который позволит не только им, но и их женам и детям вести достойную жизнь. А вот иметь больше денег, чем нужно, в конце концов совершенно не интересно».

«Хотя я не политик и не коммунист, я презираю то, что делает невыносимой жизнь, ненавижу капитализм. Когда я вижу людей, выступающих за свободу, мое сердце и симпатии нераздельно с ними».

«Неужели у всех этих министров, депутатов, важных персон, которые регулярно появляются на телеэкранах, совесть действительно чиста? Их утвержде-

ния зачастую настолько живы или тенденциозны, что трудно поверить, будто они искренни. Ну, а если они искренни, то тогда эти люди настолько близоруки, настолько оторваны от действительности, что я даже колеблюсь, как их правильно назвать — слепыми идеалистами или идиотами?»

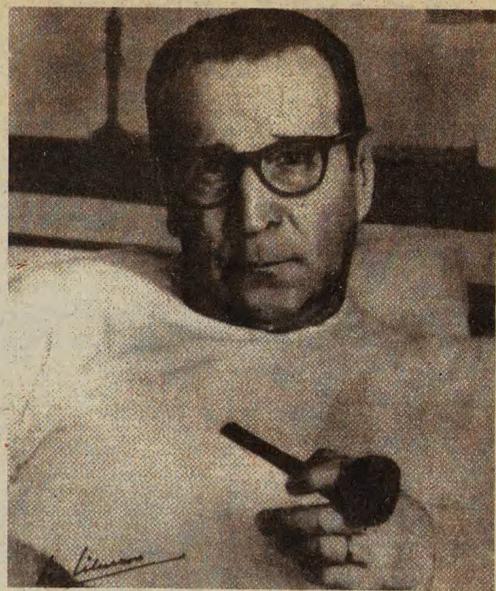
«Я не исповедую никакой религии. Но уважаю любую. Я считаю, что они совершенно необходимы, потому что человек слаб, и в конце концов... единственное его спасение в религии».

«Я всегда очень много работал, продолжая работать и впад бы в отчаяние, если бы не смог работать до последнего часа моей жизни».

«Мой девизом, как и девизом моего друга Мегрэ, всегда было попытаться понять и не судить».

«Увы, великая трагедия писателей в том, что мы умираем, не зная, удалось ли нам написать что-то стоящее или нет».

«Я верю в человека!».

МЕГРЕ и его автор

...И ЭТО НЕ ВСЕ О НЕМ!

Власти бельгийского города Льеж, родины Сименона, решили широко отметить 90 лет со дня его рождения. Празднества в память создателя детективных романов о комиссаре Мегрэ будут продолжаться четыре месяца подряд. Бельгийцы намерены привлечь 20 тысяч туристов и хорошо на этом заработать. А заодно и «утереть нос французам», постоянно подчеркивающим, что Сименон — французский писатель.

В этом году ожидается настоящее паломничество почитателей Мегрэ к памятнику комиссару в голландском городке Делфайле, где Сименон написал свой первый детектив с этим героем. А во Франции тем временем усиленно муссируется вопрос об установке памятника комиссару Мегрэ в Париже на бульваре Ришар Лемуар.

На различных аукционах резко выросли цены на уникальную марку с изображением комиссара Мегрэ. Эта марка была выпущена государством Сан-Марино и является гордостью любого настоящего коллекционера.

В городе Ла-Рошель во Франции одна из набережных носит имя Сименона. Поклонники писателя требуют, чтобы и в других городах Франции улицы, площади, бульвары носили его имя. Они утверждают, что это будет только справедливо.

В Москве, в Библиотеке иностранной литературы, проводится выставка, посвященная Жоржу Сименону. Выставка будет работать до 1 марта.

М ЕГРЭ явился читателю в первом детективном романе Сименона «Петер-латьш», где сыщик уже обладает определенным характером, манерой поведения и постоянными привычками: он почти не расстается с трубкой и часто бурчит себе под нос. Тогда, в 1929 году, Сим и не подозревал, что напишет о комиссаре более восьмидесяти романов. Конечно, это романы развлекательные, но есть в них серьезность и пылкость взгляда, свойственные настоящей литературе, есть положительный герой, наш Мегрэ. Каков же он?

В 1931 году кинорежиссер Жан Ренуар, сын великого художника, экранизировал роман «Мегрэ на распутье», а другой сын Ренуара, Пьер, сыграл Мегрэ — на взгляд Сименона, неудачно, потому что был «непохож». Ну, в этом Сименон сам был виноват, ведь нигде, ни в ранних, ни в поздних романах о Мегрэ, мы не находим описания его внешности. Нам даже неизвестен цвет его глаз, хотя мы знаем, что взгляд у него бывает и тяжелый, и грозный. Поэтому на помощь приходится звать воображение. Впрочем, французские склоны отождествлять сыщика внешне с Жаном Габеном, но раз снимающимся в роли Мегрэ, а мы, скорее, воспринимать его в облике Бориса Тенина. Увы, облик «киношного» Мегрэ на свете больше нет. А сименоновский живет, и мы неизменно представляем его себе высоким, широкоплечим, плотного сложения. Он носит шляпку «котелок» и старомодное пальто с бархатным во-

ротником. Мегрэ — большой любитель поехать и частенько заглядывает в бистро или кафе. Да и пьет он немало, но никогда при этом не пьянеет и не теряет ясности ума. Как все, окончив работу, Мегрэ мечтает поскорее вернуться домой в маленькую уютную квартиру на бульваре Ришар Лемуар. И работает Мегрэ прилежно, как полагается добросовестному чиновнику. Только дело у него необычное. Мегрэ — умный, находчивый, ловкий, неустойчивый охотник за «дичью» в джунглях преступного мира. Но есть у него одно отличительное свойство: он не любит делить людей на плохих и хороших. Он считает, что все люди нуждаются в понимании и жалости.

ОТЛИЧИЕ от Эдгара По и Конан Дойла Сименон героем детективного романа сделал не сыщика-любителя, презирающего полицию. Блестящим аналитиком, умеющим и собирать доказательства, и сделать верный вывод у него является именно полицейский чиновник. А так как французскому читателю важно не только развлечение, которое может доставить детективный роман, но и размышления и рассуждения о жизни, чувствах и судьбе, то Сименон сосредоточил внимание не столько на композиции и приемах удивления, сколько на характерах, и Мегрэ идеально воплотил в себе образ адутичного, неторопливого, наделенного даром интуиции сыщика. Ему очень важно узнать не только, «кто» преступник, но и «почему». Как «аристократы духа» Дюпен и

Холмс, Мегрэ не верит власти преобладающей, не любит сильных мира сего, но — как представитель низов общества и Сименон будет из романа в роман настойчиво подчеркивать исключительный демократизм Мегрэ и даже его патриархальность и консерватизм. В Мегрэ живет инерция масс, их симпатии, антипатии и даже предрассудки. И в быстро меняющемся, текущем мире он — твердая скала, гавань, надежное прибежище.

Счастья ли Мегрэ и что он думает о счастье? Счастье человеческое, полагает он, надо искать в самом себе, жить в ладу со своими поступками, то есть не совершать злых и бесчестных поступков и полагаться только на себя в жизненной борьбе. Ну, а если очень повезет, то человек находит спутника, которого достоин и которого любит. Вот так наши друг друга Жюль и Луиза Мегрэ. Эти двое живут в своем раю: висючая лампа над круглым столом, накрытым свежей скатертью, суповая миска, два графина, один с вином, другой с водой, две салфетки в серебряных кошельках, а из кухни вкусно пахнет жареным мясом с красным перцем, собственноручно приготовленным мадам Мегрэ. Поэтому, закончив дело, Мегрэ всегда возвращается в этот домашний мирок, так обычного и простой, но неизменный, как сама Вечность.

Майя ТУГУШЕВА.

НА СНИМКАХ: лучшие Мегрэ — Жан ГАБЕН и Борис ТЕНИН.

М ЕГРЭ, Жюль Франсуа Амедей. Родился в Сен-Физаре в 25 километрах от Мульна (департамент Алье). Единственный сын Эвариста Мегрэ, в течение тридцати лет управляющего замком Сен-Физар, одним из старейших владений на Луаре.

Сирота к девятинадцати годам; изучал (не закончив курса) медицину в Нанте, где проживал у своей тетки.

Внешние данные: рост 180 см, вес 110 кг. Женат на Луизе, уроженке Эльзаса, воспитанной в Париже у дяди и тетки; миловидная, хорошая хозяйка.

Бездетен (дочь умерла в младенчестве). Адрес: Париж, бульвар Ришар-Лемуар, 130, пятый этаж.

Примычки: курит трубку, а не сигареты; любит взъерошивать волосы; не танцует, не играет в бридж, не водит машину, не любит сладостей; бьет-вадет, но никогда не бывает нетрезвым.

Произносит несколько слов по-немецки, понимает английский и бретонский.

Трижды ранен на протяжении службы; иногда слыш чудаком среди коллег из-за методов своей работы.

Выйдя на пенсию, поселился в собственном домике в Менсиор-Луар, (ИЗ КНИГИ ЖИЛИЯ АНРИ «КТО ВЫ, КОМИССАР МЕГРЕ?», ПАРИЖ, 1977 г.).

Внимание: конкурс!

КАК и обещали учредители «Детектив-клуба» на предыдущем заседании, сегодня — новый конкурс! Мы предлагаем знатокам жанра ни много ни мало, а написать собственный финал к одной из ранних новелл Жоржа Сименона. Эта новелла входит в сборник «13 загадок», вышедший в Париже в 1932 году. Все новеллы сборника объединены двумя персонажами — детективом — любителем Жозефом Леборнем и автором-рассказчиком, который жаждет научиться дедуктивному методу, и ее называли...

Идея конкурса не нова. Некто подобно предлагал своим почитателям англичанин Эдгар Уоллес, да и сам Сименон как-то отдал должное такой игре-соревнованию. Несколько лет назад еженедельник «Книжное обозрение» провел три таких конкурса, чем стяжал себе немалую популярность у любителей жанра. Вот и мы надеемся на успех и ваше внимание, уважаемые поклонники детектива. Условия конкурса простые, но достаточно жесткие: 1. Объем написанного вами не должен превышать двух машинописных страниц; 2. Срок отправления писем (на конверте в адрес газеты) сделайте пометку «Детектив-клуб» — 5 дней с момента публикации новеллы в «ВМ». Победителем будет признан тот из вас, кто создаст что-то отличное от «сименоновского» финала, но столь же убедительное. И, конечно же, победитель увидит свой вариант напечатанным рядом с подлинным текстом французского писателя и получит приз «Детектив-клуба».

А теперь — с Богом!

Жорж СИМЕНОН ДЫМОВАЯ ТРУБА «ЛОТАРИНГИИ»

Руанская газета писала: «Жуткая находка взбудоражила сегодня утром Руанский порт и особенно потрясла команду парового катера «Лотарингия». Рано утром кожегар «Лотарингия» развел в топке котла огонь, но через несколько минут его внимание привлекли странные клубы дыма и... кошмарный запах. Капитан и единственный матрос катера, находясь на мостике, также почувствовали какой-то мерзкий запах. Вскоре у команды не осталось сомнений: огромная труба «Лотарингии» чем-то забита. Труба на катере в отличие от других посудин, которым тоже при-

ходится проходить под мостами, жестко закреплена, и чтобы загнать в нее, кожегару пришлось воспользоваться трапом. Лишь после часа изнурительных работ экипаж «Лотарингии» извлек из трубы наполовину обгоревший труп мужчины. Одет неизвестный был крайне бедно. Опознать его не представлялось возможным — документов при нем не было. Врач обнаружил на теле погибшего множество осадочных и порезов, но определить, кем они были нанесены, не смог. Было установлено лишь, что смерть, вероятно, наступила несколько дней тому назад.

Следует отметить, что диаметр трубы — немного более 40 сантиметров, следовательно, тело могло быть втиснуто туда только с большим трудом. Застряло оно на половине высоты трубы — там, где проходит заклепочный шов.

Перед следствием возникло множество вопросов. «Лотарингия» всегда причаливает к одной и той же пристани, напротив здания биржи, менее чем в 20 метрах от таможи и стоянки таможенных катеров. С последних круглосуточно ведется наблюдение за акваторией порта. Заметим также, что на борту в качестве сторожа постоянно проживает матрос. Учитывая эти факторы, совершенно непонятно: как, каким образом в этих условиях тело погибшего могло быть поднято, а затем втиснуто в дымовую трубу?»

Я залпом проглотил заметку и повернулся к Жозефу Леборню.

— Труп так и не опознали? — осведомился я.

— Нет. Но медики установили один немаловажный факт: мужчина умер по крайней мере за 8—10 дней до обнаружения трупа. Как сожалеем, по-прежнему неизвестно, от чего наступила смерть.

— Вы располагаете еще какими-нибудь документами? — Вот карточка, которую я со-

ставил на сторожа, находившегося на борту «Лотарингии».

Я прочитал: «Пьер Либерж, пятидесяти пяти лет. В прошлом — марсовый. Холостяк. Избороздил все моря земного шара. Туповат, но моряк отличный. Склонность к алкоголю. Свои дни проводит во сне и пьянках».

— А остальные члены команды?

— Кожегар Эрнест Помераль — тридцати четырех лет, женат, проживает в Руане. Характеризуется положительно. Капитан — Жорж Дюшо, прекрасный послушный список, женат, отец целого семейства, кавалер Ордена Почетного Легиона. И, наконец, юнга — Гастон Турфю, девятнадцати лет, проживает с родителями в Гоневилю. Вот и весь экипаж. Ведь «Лотарингия» — скромный паровой катер. И выходит из порта не чаще раза в месяц.

— Какова ширина судна?

— Ровно четыре метра.

— Другими словами, когда судно стоит у причала, то чтобы достигнуть дымовой трубы, надо совершить прыжок в два метра. Может, поблизости есть подъемный кран?

— Кран есть, но находится он за двести метров от стоянки «Лотарингии» — там, где проводится погрузка судов.

— А таможенники? Они бдительно несут службу?

— Более чем. В любое время суток можно натолкнуться на их патруль на набережной. Любая, даже самая крохотная лодка не проплывет мимо без того, чтобы не подвергнуться осмотру...

— А можно ли пролезть в трубу «Лотарингии» снизу — изнутри?

— Исключено. Ведь сначала надо будет проникнуть в котел, а размеры его дверцы всего 30 на 25 сантиметров.

Машинально перелистывая кипу бумаг, собранных Леборнем по этому делу, я обратил внимание на какой-то набросок. На нем был изображен небольшой парусник.

— Это «Корморан», — сказал Леборнь, — шхуна для увеселительных прогулок. Она швартовалась к «Лотарингии» за две недели до обнаружения трупа и простояла около катера двое суток.

— Кому принадлежит «Корморан»?

— Огюсту Фике, страховому агенту из Гаура.

— Это он за человек?

— Ему тридцать пять. Состоятельный, но так горит деньгами, что кредиторы им считают недостойным...

— А что он делал в Руане?

— Просто совершал прогулку на яхте. На борту, кроме него самого, были трое — капитан и двое матросов. Все они должны были вернуться в Гаур на «Корморане», но Фике позанимался с какой-то девицей и поехал с ней в Гаур поездом. Судно уже, естественно, без него отчалило на другой день.

— А кто это капитан?

— Серж Артуров, русский, белоэмигрант, бывший морской офицер-командир, тридцати двух лет. Любит выпить.

— Это все?

— Один из его матросов — тоже русский — Владимир Раззат, двадцати восьми лет, холост. Второй матрос — бретонец — Жан-Поль Дюкро, тридцати пяти лет, женат, с женой не проживает, в данный момент на «Корморане» не служит — рыбачит около Ньюфаундленда.

— Как они все вели себя в Руане?

— Обычно. Оба русских кутили два дня вместе со своей соотечественницей, которую встретили в кафе на бирже. Дюкро также гулял в весьма сомнительных местах.

— Но ведь он женат.

— Да, но изменять жене, даже не скрывая этого. Та, кажется, платит ему там же...

— А еще два или три раза принимал бумагу, а затем стал рассматривать наброски «Лотарингии» и «Корморана».

— Скажите, — спросил я, — никто так и не заявил в полицию о пропаже человека?

— Никто. Более того, труп так и не был обнаружен.

— Я вновь погрузила в изучение документов, но через час поднялся и воскликнул в изумлении:

— Сдается! Скажите, неужели вам удалось разобратся в этом безнадёжном деле?

— Вы тоже справились бы с задачей, — вздохнул Жозеф Леборнь, — но вы думали обо всем, но только не о сути дела...